

ИДИОТИЗМ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО надзора

Марк Максимович Поташник,
*действительный член (академик)
Российской академии образования,
доктор педагогических наук, профессор
e-mail: mark.potashnik@mail.ru*

Идиотия (в просторечии — **идиотизм**) при точном переводе с греческого означает, как это ни покажется странным, невежественность, необразованность; это медицинский термин, означающий самую глубокую степень олигофрении (умственной отсталости). Однако в разговорной речи большинства людей слова «идиотия», «идиотизм» не подразумевают их медицинской интерпретации, а означают нелепость, неразумность, абсурдность сказанного, поведения, решений, поступков, действий начальников, да и любого человека и т.п.

- мониторинги
- правовой беспредел
- диагностика компетенций
- оценка труда учителя
- проверка Рособрнадзора

Проверки и мониторинги как изощёренные издевательства

Перед нами документ неясного правового статуса с угловым штампом Минобрнауки и его верного сатрапа¹ —

¹ Сатрап — деспотический администратор, деспот-самодур, управляющий по собственному произволу.

Рособрнадзора № 02–131 от 23.03.2016, подписанный заместителем руководителя федерального ведомства А.А. Музаевым, «О проведении в 2016 году исследования компетенций учителей русского языка, литературы и математики в субъектах Российской Федерации». Слов «приказ»,

«постановление», «распоряжение» нет, но нет и таких слов, как «рекомендации», «письмо». Всё это, конечно, не случайно, ибо лукавый и всесильный Рособрнадзор прекрасно понимает, что люди на периферии не будут разбираться в юридических терминах, и всё, что исходит из Москвы, воспринимают только как беспрекословно исполняемое, обязательное, бесспорное. Ну, а дальше пошло по инстанциям: приказ регионального министерства, приказ Института развития образования и т.д.

Вершиной правового беспредела стал приказ одного методкабинета (сколько их в России!) «Об организации проведения исследования компетенций учителей...», изданный в соответствии с приказами другого методического ведомства — областного Института повышения квалификации, в адрес директоров школ и учителей. Подлинники документов передо мной, но по просьбе директора школы, приславшей их, я не называю района и области. Почему? — будет понятно из нижеследующего текста. Невежество, безграмотность и основанный на них правовой произвол состоят в том, что эти учреждения вообще не имеют права издавать приказы в адрес руководителей любых других (в том числе и образовательных) учреждений, им не подчинённых. Их приказы правомочны **только** для сотрудников своих учреждений. Но кого это интересует, если всё это исполняется по документу грозного Рособрнадзора?

По самой своей сути (и юридической в том числе) участвовать в этом мероприятии учителя не обязаны (только те, кто сам захочет, то есть по желанию), но как отбирать и обязывать ведь никто не сказал, а потому издеваться методисты разных уровней решили над всеми. Более всего возмущает время, выбранное Рособрнадзором, ИПК и РМК для исследования, — вторая половина мая, когда в школах самое напряжённое и для детей, и для учителей время (весна, а значит, все устали), пик работы с отстающими, теми, кто много пропустил

по болезни (эпидемия гриппа ведь была в стране), неуспевающими, дополнительные занятия, переписывание контрольных работ, наконец, финал подготовки к сдаче ОГЭ и ЕГЭ, последние звонки, напряжённая подготовка к ним и т.д. и т.п. Проверка компетенций учителей, оказывается, должна проходить не в своей школе, а только в уполномоченных: значит, после 5–6 ежедневных уроков нужно куда-то ехать (час туда, два часа проверяться, час обратно), потом готовиться к урокам следующего дня. Или отменять уроки русского языка и математики (что, кстати, кое-где и было сделано). О заботах по дому, о своих детях, о семье не говорим. Это, так сказать, малозначимые для Рособрнадзора издержки.

Понятно, что первыми возмутились руководители школ. Но региональные и муниципальные чиновники нынче протестов не боятся, поскольку знают, что за ними стоит устрашающий призрак всемогущего «питбультерьера» в лице Рособрнадзора. Это же якобы ему нужны сведения о компетенциях учителей. Интересно, зачем? Среди возможных версий есть и такая — кому-то понадобились данные для своей диссертации.

Чтобы читатель понял всю степень унижения руководителей школ, отвечающих головой за жизнь, здоровье, души детей, расскажем, как это издевательство происходило.

Первыми на нарушение норм и законов отреагировали самые авторитетные из директоров. Вот руку подняла женщина с тридцатилетним стажем в должности директора, кандидат педагогических наук, заслуженный учитель РФ, депутат областной Думы, руководитель лучшей школы района... Начальница Управления образования даже не стала её слушать, демонстративно вышла из-за стола президиума и ушла с совещания. Разумеется, все директора поддержали своего авторитетного коллегу. Но потом

началось кулуарное, так любимое чиновниками, «выкручивание рук», шантаж, и эта директор, опустив глаза перед коллективом учителей три десятка лет возглавляемой ею школы, обречённо произнесла: «Я знаю, что всё это отвратительно, мне самой противно требовать от вас то, что противоречит закону, я категорически не согласна с тем, что говорю... Поэтому прошу: в исследовании компетенций пусть примут участие те, кто пожелает... А что касается меня, то после совещания начальник Управления без обиняков заявил: «Если что..., то 278-ю статью, часть II — увольнение работодателем без объяснения причин для директоров школ — никто не отменял».

Я спросил у этого директора: «Ну и как вы намерены руководить учителями после этого?» «Презираю себя за то, что утратила честь и не смогла отстоять своё достоинство. Теперь уйду из директоров», — ответила она. Так была сломана судьба хорошего руководителя и честного, но боящегося борьбы человека, которому можно только посочувствовать.

По поводу неповиновения школ глупым и вредным требованиям любых инстанций высокопоставленный чиновник регионального уровня самодовольно заявил: «Я с интересом понаблюдал бы, как муниципальное учреждение вступило бы в судебные тяжбы с регионом или Федерацией». Обратите внимание: «понаблюдал бы».

Фарисейство (то есть лицемерие, ханжество, показное благочестие) людей, учинивших издевательство, прикрывается благими намерениями: «Чтобы знать, как повышать квалификацию учителей, нужно провести диагностику их профессиональных компетенций». Разумеется, это бесспорно, и грамотно работающие институты повышения квалификации учителей перед началом работы проводят выше-названную диагностику компетенций тех учителей, *которые откомандированы на плановую учёбу*. Но кто дал право осуществлять эту диагностику по отношению к учителям, прошедшим в установленные сроки процедуру аттестации с получением соответствующего правового документа, да ещё в самое неподходящее время? Любой управленец, любая

управленческая структура (коей является и пресловутый Росособнадзор) обязаны прогнозировать последствия всех своих решений, выраженных в документах, как бы они ни назывались. Это азбука любого управления. И если это не делается, то говорит об одном: непрофессионализме, невежестве управленцев, из-за чего и страдают учителя, а значит, неизбежно и дети.

Один сноб, волею судьбы приближенный к Минобрнауки, сказал мне: «Пусть внимательно читают письмо и не ведут себя как дураки: там же сказано, что «добровольно» и т.п. Так что они расплачиваются за свою же глупость, раболепие, покорность». Ответ, конечно, демагогический, ибо нужно же понимать психологию людей, доведённых чиновниками всех уровней не то, что до раболепия, а до животного страха перед любым начальством в нынешней России.

Отдельное и особо изощрённое издевательство — это отчёты. Вчитайтесь в них, уважаемый читатель: отчёт по диспансеризации, по готовности подъездных путей к школам и детсадам, по количеству детей, родители которых принимали участие в террористических актах, о состоянии и объёмах различных форм продовольственной помощи с оценкой их влияния на производство отечественной сельхозпродукции по 48 параметрам и т.д. — несть числа. И ни один абсурдный документ не был оспорен ни одним региональным министерством образования. Даже Генеральная прокуратура устранилась и в ответ на жалобу написала, что не комментирует неправовые документы, отправив жалобу в Минобрнауки, чтобы оно, как гоголевская унтерофицерская вдова, само себя высекло.

А вот ещё мнение: «Школы вынуждены работать только по требованиям проверяющих органов (при попустительстве Росособнадзора). На остальное

просто нет времени». Остальное — это главное в работе школы: обучение, развитие, воспитание детей. И как это назвать? (См. заголовок статьи).

Восстановить справедливость в оценке труда учителя

Зададимся вопросом: «Всегда ли невысокие оценки предметных и других результатов говорят о плохой работе учителя?»

Известно, что лучшими учителями в России сейчас признаются только те, у кого дети при сдаче ЕГЭ (который и обеспечивает всесильный Рособрнадзор) получили большую сумму баллов, у кого больше победителей олимпиад разного уровня и т.п. Но известно и то, что этих школьников меньшинство. Поэтому большая часть учителей, исчерпав ресурс тонкого педагогического воздействия на учащихся при подготовке к ЕГЭ, переходят к грубым методам — таким, как угрозы, двойки, вызовы родителей в школу, шантаж, морально-психологическое давление, запугивание и т.п. с тем, чтобы учащиеся беспощадно эксплуатировали свою память. И даже если ученик говорит, что не понимает материала, а учитель исчерпал терпение, время и мастерство, он высказывает школьнику до скучности знакомую сакраментальную и весьма сомнительную сентенцию, на которую ученику и родителям нечего ответить: «Выучи и запомни, пока не понимаешь. Позже обязательно поймёшь». Но школьник устроен иначе: он долго не может помнить то, чего не понимает. И потому он исходит из установки: выучить, не понимая, сдать пресловутый ЕГЭ и забыть навсегда. Вот таким иезуитским способом достигаются высокие результаты по ЕГЭ у основной массы учащихся, а самое плохое в том, что дети выходят из школы необразованными.

Все хорошо знают, что учить ребёнка мотивированного, увлечённого, способного, умного, развитого, любящего учиться и даже мо-

гущего при необходимости учиться самостоятельно, большого труда не составляет. Но вклад этих детей в имидж (и в зарплату!!) учителя очень значителен. Все также знают, что в любом классе обычной школы (коих большинство и куда детей не отбирают, как в гимназии и лицеи) есть дети, природно неспособные, с очень ограниченным интеллектом и учебными возможностями, немотивированные, нежелающие учиться, неразвитые дети, попавшие в сложную жизненную ситуацию, дети из трудных или неполных семей, педагогически запущенные, дети мигрантов; наконец, есть больные, которые по новому Закону об образовании учатся в обычных школах. Известно также, что таких детей немало. В некоторых классах до 30%.

Все также знают, что легко любить ребёнка, когда он послушен, хочет и может хорошо учиться, обаятелен, опрятен, уважителен и т.д. — в общем, когда он, как говорят, белый и пушистый. Но **педагогическая сущность учителя проявляется в отношении к любому ребёнку: и к тому, который интеллектуально ограничен, ленив, зол, мстителен, груб, строптив, неопрятен, не хочет учиться, не подчиняется и т.д.**

И вот учителя обычных школ, чтобы как-то вытащить этих детей, овладевают непростыми методиками обучения детей с проблемами, используют сложнейшие технологии коррекционного обучения (которыми надо предварительно овладеть), подбирают оптимальный для каждого темп обучения и поэтому вынуждены заниматься с ними дополнительно (сверх оплачиваемых часов), проявляют чудеса педагогического мастерства, неистребимой выдержки и терпения, решают сложнейшие воспитательные и психологические проблемы этих детей и с огромным трудом, но всё-таки дотягивают их до минимально необходимого уровня знаний, чтобы не оставить их на второй год, чтобы они как-то сдали ОГЭ и ЕГЭ. Отметки при этом, разумеется, невысокие,

но этот учитель, который ценой невероятных усилий доучил ребёнка до выпуска, при существующей традиционной системе оценки своего труда проигрывает учителям, которые в отобранных (профильных, гимназических, лицейских) классах достигают высоких результатов.

Технология оптимизации процесса обучения (Ю.К. Бабанский) позволяет устранить эту вопиющую несправедливость, ибо построена на изначальной диагностике учебных возможностей ребёнка в зоне его ближайшего развития, то есть на определении его максимальных учебных возможностей. И если учитель достиг их, то он тем более достоин уважения и его труд должен оцениваться так же высоко, как и труд учителя, который учил природно способных и мотивированных детей.

Отсюда совершенно очевидно, что не всегда невысокие оценки предметных и других результатов говорят о плохой работе учителя.

Это понимают все: и Рособрнадзор, его структуры, региональные и муниципальные чиновники от образования, директора школ и учителя, но делают вид, что всё справедливо и проблемы тут не существуют.

А всё идёт от невежества чиновников... федерального уровня. Если бы это было не так, то откуда, несмотря на все запреты и осуждения, до сих пор повсеместно в стране устанавливают рейтинги школ по результатам ЕГЭ, а в почёте те, у кого больше стобалльников, то есть лицеи и гимназии. И кто, как не Рособрнадзор, Минобрнауки должны последовательно и постоянно устранять эту несправедливость в оценке труда учителя. И тут одним приказом о запрете рейтингов школ и учителей ничего не изменить, если годами насаждали прямо противоположное.

Диагностические беседы с чиновниками разных уровней убедили в том, что они руководствуются придуманным ими же безграмотным и нелепым (см. определение «идиотизма» в начале статьи) объяснением типа: все дети — это как поленья, а учителя — это папы Карло, которые при умелой работе из любого полена должны создать думающего и говорящего человека. А то, что это сказка, то,

что дети от природы (генетически) имеют разные задатки и растут в разных условиях, это никого не интересует.

У страха глаза велики, да ничего не видят

Одним из самых отвратительных следствий всеобщего, тотального контроля над работой учителя, директора, школ является сформированный у педагогов надзирающими же органами животный страх перед проверками, мониторингами, надзорами, что, в свою очередь, порождает полное повиновение, покорность, подчинение, в основе которых и лежит страх перед проверяющими лицами.

Гипертрофия страха проверок толкает учителей и школы на формальный подход к освоению, например, такого важного новшества, как ФГОС (овладевают только новой терминологией, осваивают не сами новые стандарты, а матрицы для отчётов, мониторингов об освоении ФГОС и т.д.).

Страх этот реальный, в его основе лежит абсолютно невыносимая для психики учителей боязнь публичного (то есть озвученного) позора, срама. Этот вывод следует из анализа практики, опросов педагогов, исследований психологов, то есть из самооощущений учителей, директоров. Но этот вывод психологического характера существует исключительно в душе, чувствах, эмоциях и *не соответствует практике жизни*.

Пусть каждый читатель честно ответит себе:

- Как часто его работу вообще и по освоению, например, ФГОС в частности действительно неформально проверяли? (Окажется, что на 65 тысяч школ и полтора миллиона учителей страны это единичные случаи);

• Вам известны факты, когда на основе результатов проверки работы по освоению стандартов или по оценке так называемого качества образования по результатам ОГЭ и ЕГЭ каким-то учителям понизили квалификационную категорию, вынесли взыскание и т.п.? (Мы не могли найти в десятках регионов таких случаев).

Так что анализ фактов позволяет однозначно и категорически утверждать: *страх преувеличенный и его нужно преодолевать*.

Тут полезно вспомнить полный текст поговорки, вынесенной в название раздела, — поговорки, в которой есть дополнение, найденное нами в словарях В.И. Даля:

«У страха глаза велики, да ничего не видят».

И ещё дополнение о надуманном страхе. Если учителю попались указания в напечатанном виде, например, по оцениванию результатов, то, если они никем даже не рецензированы, не рассмотрены, не утверждены, не допущены, не рекомендованы, автор вообще неизвестен, то есть напечатанное по сути является частным мнением какого-то человека (часто невежественного), у педагога, использующего эту публикацию из журнала или брошюры, никакого страха не возникает, потому что всегда можно прикрыться этим материалом, сказать любому проверяющему: «Я тут ни при чём, это нам дали на семинаре» и т.п. Это люди, у которых нет ответственности за свой труд, это люди, которые меньше всего думают об ученике, это непрофессионалы. Им даже в голову не приходит, что проверяющим лицам можно (и нужно) высказать свои педагогические аргументы, что проверяющие могут быть по квалификации ниже учителя, что они могут быть бюрократами, к мнению которых вообще не стоит прислушиваться.

Учитель боится всего и всех. Это стало его, так сказать, естественным состоянием. Ужас учителя впервые «отлил» в чеканную формулу великий знаток человеческой природы

(ну и — природы русского человека) — Антон Павлович Чехов в образе Беликова («Человек в футляре»). Формула безосновательного и бессмысленного страха чеховского персонажа — «Как бы чего ни вышло!». Здесь каждое слово формулы характеризует неопределённость («как бы»), всеобщность («чего-то») и неотвратимость («вышло») ужаса, превратившегося в основную характеристику профессионального состояния несчастного Беликова (кстати, не забудем, школьного учителя по профессии).

Философы называют это состояние *экзистенциальным ужасом свободы* (или ужасом перед свободой). Экзистенциальный (философский, мировоззренческий) ужас перед свободой присущ всем, кто привык жить, полностью подчиняясь внешнему распорядку, исключаящую любую самостоятельность, выбор, самую возможность принятия самостоятельных решений.

Им кажется, что они боятся чего-то реального: комиссии, начальства, представителей всех надзорных ведомств, коих тьма, проверяющего методиста, родительских жалоб, аттестации, результатов ЕГЭ, мнения своих товарищей по работе, нелюбви учеников — можно не одну страницу исписать целым каталогом учительских страхов. Но за всем этим бесконечным списком квазиреальных опасностей (кто и когда последний раз был у учителя на уроке и сделал ему хоть какое-то замечание?) — за всем этим фантастическим образом страшного будущего стоит всё то же катастрофически-неопределённое «как бы чего ни вышло». К профессиональным болезням учительской профессии (ларингиту, истероидности, профессиональному выгоранию и т.п.) почти всегда присоединяется ещё и ужас перед свободой.

Будем объективны: тут всю вину валить на чиновников нельзя, причина страха в большей мере в самих учителях и их руководителях, а некоторые из педагогов

даже спекулируют на этом. Как мне написали руководители школ о новом явлении, хоть и не массовом, но и не единичном: многие учителя сейчас не боятся вести торг с директором, требуя доплат и отгулов за выполнение должностных инструкций, писать жалобы президенту и т.д., поскольку на них не распространяется пресловутая 278-я статья ТК.

Школа проверок Рособрнадзора не прощает

Передо мной два десятка писем из разных регионов России с описанием того, как проходили проверки Рособрнадзора. Темы разные, но результат везде один и тот же.

В школу прислали план проверки:

- документы по платным услугам;
- документы по приёму в школу;
- документы по выдаче аттестатов;
- документы, регламентирующие реализацию образовательной программы школы;
- документы, регламентирующие государственно-общественное управление.

Такая проверка называется не выездной, а документарной.

Процедура самой проверки проста: восемь часов езды (четыре часа дороги до областного центра и четыре обратно), передача папки по описи (15 минут), неделя ожидания, опять восемь часов дороги, час на подписание акта.

В итоге:

- полгода работы на одну папку документов в триста листов; сорванный план работы на год;
- три мелких замечания по документам (исправляются в течение получаса);
- жуткая усталость всего коллектива от ожидания неприятностей и неопределённости;
- естественный вопрос: «В чём смысл проверки?» Осталось ощущение бессмысленности. Ради чего? Ради какой цели вся эта проверка, если она ничего не меняет в образовательном процессе?

О содержании проверок. Внешне кажется, что всё просто. Но если бы не чиновничья злобредность. В ходе проверки специалист

УПРАВЛЕНИЕ ОБРАЗОВАНИЕМ

Обрнадзора нашла нарушение в одном личном деле (всего лишь в одном!!!) из нескольких классов (в двух графах «адрес регистрации» и «адрес проживания» родители заполнили только одну графу, поскольку они совпадают).

В связи с этим в итоговой справке (акте) зафиксировано аж «грубое нарушение приказа 32 «О порядке приёма учащихся...» в части...», ну и, конечно, тут же неотвратимо последовали санкции, обидные обвинения в непрофессионализме.

Если бы вместо этого чиновники потратили время на подготовку образцов локальных актов, чем очень помогли бы директорам в экономии времени!

Показательно, что при проверке освоения новых федеральных образовательных стандартов целая бригада Рособрнадзора смотрела в одной из школ Нижнего Новгорода только документы. Когда директор пригласила проверяющих на уроки и внеурочную работу, чтобы те увидели, проанализировали и оценили, грамотно ли, в соответствии с ФГОС ли осуществляется самое главное, от чего зависит качество образования — педагогический процесс, то услышала от руководителя этой бригады Рособрнадзора высокомерное, брезгливое, унижающее учителя: «А зачем нам это? Мы что, методисты какие-нибудь?»

Ну, а что же в итоге? Полностью заброшенный учебный процесс, разбалансированность управления (школа как сложная динамическая система работает в режиме циклограммы, плана работы, программы развития и т.д. — всё это было разрушено проверкой Рособрнадзора, а создавалось неимоверными усилиями всего педколлектива. Жизнь школы таких вещей не прощает, так как неизбежно возникают срывы, конфликты, сбои в работе и т.п.

Естественно, возникает вопрос: эта проверка хоть как-то влияет на качество образовательного процесса? Она что-нибудь хорошее даёт учителям, детям?

Причём, случись что-то, ответственность будут нести не проверяющие Рособрнадзора, а только директор школы.

Надзиратели ушли, а школа долго и мучительно будет восстанавливать плановый учебно-воспитательный процесс. Конечно, это возможно только частично. О душевном, морально-психологическом состоянии руководителей и учителей можно сказать одно: разочарование, опустошение, обида за пренебрежение к учительскому труду и ненависть к чиновникам.

У последней черты

Все письма, которые я получил от директоров, завучей, учителей и даже от разумных руководителей муниципальных органов образования (их очень мало и становится все меньше), говорят об одном: «Ни один шаг (приказ, распоряжение, письмо, рекомендация) надзирающего ведомства не обходится без преодоления глупости, борьбы с агрессивным маразмом, тяжёлой работы в качестве фильтра бесконечных инструкций, приказов, запросов, мониторингов и т.д. Директора школ и учителя стали заложниками угробленных чиновниками Рособрнадзора любых благих начинаний. Так и приходит на ум несколько изменённое название известного романа Дж. Сэлинджера «Над пропастью во... лжи». Мы и во лжи, и над пропастью, мы агонизируем, и лучшие постепенно уходят из системы. **А философия чиновного люда из Минобрнауки и Рособрнадзора проста: не сделаешь ты — сделает другой**». (Это цитата из письма умного начальника районного Управления образованием).

Ну, а что же в итоге бурной деятельности Рособрнадзора и его структурных подразде-

лений на местах? Резкое падение качества российского образования и утрата всяких надежд на его возрождение, о чём говорит и новое явление, возникшее в среде российских педагогов: лучшие из них (которые при смене образовательной политики в школьной системе могли бы её реанимировать), не выдержав бюрократического прессинга и всевозрастающей нелепости, глупости, несуразности, невежества — то есть чиновничьего идиотизма, стали уезжать из России и успешно работать за рубежом. Одним из убедительных фактов стало создание, например, в США в большинстве штатов RSM (Russian School of Mathematics in USA) — русских школ математики в США, где работают учителя, уехавшие из России, знающие, что такое хорошая российская математическая школа. И востребованность учителей в RSM очень большая. Как понимают читатели, речь идёт о лучших учителях, которым правительство США предоставляет вид на жительство, хорошо оплачиваемую работу и американское гражданство (через три года натурализации при условии сдачи соответствующих экзаменов, разумеется). А надзирающим (синоним надсмотрщикам) мракобесам-чиновникам напомним строчку другой, более поздней песни:

*Никто не даст нам избавленья:
Ни Бог, ни царь и не герой...*

Пусть вспомнят, чем всё закончилось...

* * *

Мы показывали черновик статьи разным рецензентам, в том числе и чиновникам Рособрнадзора. Одни, «не повернув головы кочан и чувств никаких не изведав», остались безразличны, то есть наплевали на критику. Другие, понятно, обиделись и гневно возмутились: «То, что вы представляете нас идиотами, это отвратительно и недопустимо. Ошибки в нашей работе могут быть, как и у всех, но мы не менее других добросо-

вестно и напряжённо трудимся на благо российского образования...» и т.п.

Ах, как бы мне хотелось заменить слово «идиотизм» на более невинное слово «ошибки». Но давайте, уважаемый читатель, оценим факты: требование открывать в школах полицейские классы, организовывать полицейские флешмобы, вывешивать в школьных библиотеках списки запрещённой литературы (при молчании Рособрнадзора); не давать учителям ответа на вопрос, как им быть, если ЕГЭ и ФГОС, введённые законом и приказами министерства, противоречат друг другу; высоко оценивать работу учителей только по числу стобалльников и победителей олимпиад; проводить исследования компетенций учителей в мае; мучить учителей бесконечными отчётами, мониторингами, не давая возможности заниматься детьми (то есть их учёбой, воспитанием, развитием); не понимать, что результаты ЕГЭ невалидны, то есть показывают совсем не то, что хотят определить; что педагогические (образовательные) результаты нельзя измерить, что квалиметрические оценки не менее точны, чем количественные.

Не понимать, что совмещать экзамены школьные (как экзамены достижений) и вузовские (как экзамены способностей) нельзя и этого нет ни в одной стране мира; наконец, проведение всероссийских проверочных работ за весь 4-й класс (аналог ЕГЭ и ОГЭ) в декабре, когда дети не прошли ещё половины программы, и тотальное проведение в тех же четвёртых классах проверочных работ при

УПРАВЛЕНИЕ ОБРАЗОВАНИЕМ

надзирателях, вне уроков в мае, нарушая при этом все мыслимые и немыслимые нормы СанПиН. Кроме этого: грубейшее нарушение ФЗ-273, где говорится, что государственной итоговой аттестации в четвёртых классах нет, а только текущий контроль и только внутренняя оценка результатов самой школой, а Рособрнадзор реализует приказ Минобрнауки № 1381 от 26 ноября 2015 г., проводит свой мониторинг качества образования в четвёртых классах, о чём, кстати, с возмущением писал журнал «Народное образование» (2014, № 8); наконец, **не понимать, что образовательный процесс невозможно надзирать, поскольку это внутренний процесс в человеке**, — разве всё это не является нелепостью, неразумностью, абсурдностью, то есть идиотизмом (см. определение в словарях). **НО**

М.М. Поташник, М.В. Левит

«ОСВОЕНИЕ ФГОС: МЕТОДИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ»

*Пособие для учителей, руководителей
школ и органов образования*

Справки: тел. (495) 953-99-12

Заказ книг: e-mail: pedobsh@mail.ru